

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1978-1980.
2. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
3. Маркова Е.М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имен существительных). Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2014. 306 с.
4. Мокиенко В.Д. Динамика русского слова. СПб., 1994.
5. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
6. Руско-српски и српско-руски речник. Београд: ЈАСЕН, 2014. 1579 с.
7. Словарь русских народных говоров (Под ред. Ф. П. Филина). Л.-СПб., вых. с 1965.
8. Слово и значение во времени и пространстве: динамические процессы: колл. монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. 170 с. С. 7-36.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
10. Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.), 2-е изд. М., 1999.
11. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Межд. съезд славистов. М., 1968. С. 339-365.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., М., 1986.
13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (Под ред. О.Н. Трубачева). М., вых. с 1974.
14. Якобссон Г. Развитие понятия времени в свете славянского časъ // Scando-Slavika. 1958. V. 4.
15. Gebauer J. Staročeský slovník. Т. 1-2. Praha, 1903-1916.
16. Příruční slovník jazyka českého. Т. 1-9. Praha, 1935-1957.
17. Rusko-slovenský a slovensko-ruský veľký slovník. Lingea, 2011. 1357 s.
18. Rusko-hrvatski rječnik. Zagreb: školska knjiga, 2002. 1043 s.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна
(*Витебск, Республика Беларусь*)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
mvavit@tut.by

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ОСНОВА ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГЛУБИННЫХ СМЫСЛОВ В ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье показано, что язык – сложная система, в которой системные факты чередуются с асистемными, хаотическими, поэтому подходить к его изучению нужно с разных сторон – в связи с сознанием человека, культурой, обществом, т. е. с позиции интегративности. Автор обосновывает необходимость создания интегративного направления в лингвистике,

Ключевые слова: категория, категоризация, интегративность, синкретизм, глубинные смыслы.

Abstract. The article shows that language is a complex system in which systemic facts alternate with asystemic, chaotic ones, therefore, it is necessary to approach to its study from different sides - in connection with human consciousness, culture, society, i. e.

from the integrative positions. The author substantiates the need to create an integrative direction in linguistics,

Keywords: category, categorization, integrative direction, syncretism, deep meanings.

Еще в 1995 году на Международной конференции «Лингвистика на исходе века» А.А. Леонтьев произнес прощальное слово «чистой» лингвистике, однако она продолжает жить уже более двух десятков лет. Более того, хотя нормы литературного языка изменяются во времени, но при этом русский язык устойчиво сохраняет в веках свою нормативно-литературную основу. Система литературных норм, разработанная еще М.В. Ломоносовым в его «Российской грамматике» (1755 г.), определила дальнейшую судьбу русского языка на века. Вот они – результаты «чистой» лингвистики. Чистой лингвистике посвящена и эта конференция.

В заглавие одной из проблем, предлагаемых для рассмотрения на данной конференции, вынесено *Семантический синкретизм как отражение асимметрии языкового знака и особая языковая категория*. Возможно ли такое? С развитием когнитивной лингвистики внимание к категоризации в языке усилилось, т. к. открылись новые горизонты проблемы. Так, появилась возможность посмотреть на категории языка сквозь призму чувственного опыта человека: «Мы склонны смотреть на язык как на простую технику выражения, не трудясь объяснить себе, что язык – это прежде всего классификация и упорядочивание потока чувственного опыта, которое ведёт к упорядочиванию данного мира» [4: 162-164]. Это значит, что особенности языковых категорий обусловлены осмыслением человеческого опыта, зафиксированного в языке. В основе опыта лежат определенные типы языковых знаний, ибо мы воспринимаем в мире то, что позволяет нам видеть наш язык. Как известно, наш язык содержит: 1) знание о предметах и событиях, зафиксированное в слове; 2) знание языка как совокупности грамматических категорий; 3) знание языка с позиций внутреннего концептуального содержания, которые репрезентируют особенности человеческого миропонимания. С позиции третьего типа опыта вполне возможно было бы посмотреть на семантический синкретизм как на категорию. Однако в лингвистике категория – «любая группа языковых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства; ... некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся

классов...» [3: 215]. Из этой цитаты следует, что для выделения категории в лингвистике важно понятие класса.

И хотя «категориальный формат ... является ведущим в организации языка» [2: 7], едва ли в свете сказанного семантический синкретизм – это категория. Кроме того, категоризацию следует отличать от концептуализации, для которой немаловажными становятся семантические категории. Возможно, это концептуализация. Здесь встает глобальный вопрос об их дифференциации не только между собой, но и отличия их от процессов классификации. А это – задача будущего.

Далее. Параллельно «чистой лингвистике» быстро развиваются и укрепляются междисциплинарные связи лингвистики с психологией, культурологией, этнографией, антропологией, историей и др. областями знаний.

Сам по себе язык – это сложная система, в которой системные факты чередуются с асистемными, хаотическими: *Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве*. Всякое состояние языка есть следствие предыдущих и причина последующих его состояний. Статистические зависимости в языке – блеф (это «бухгалтерия в лингвистике»). Несколько важнее и сложнее функциональные зависимости. Но еще важнее – глубинные процессы, не поддающиеся однозначной интерпретации. Современный ученый Т.В. Черниговская считает, что язык включает в себя алгоритмы научения и «невывисляемые пласты» [6: 64]. Такой невычисляемой, невысказываемой областью исследования в современной лингвистике становятся поэзия, пророчества, сновидения, предвидения, числовые совпадения в жизни людей, народные приметы – всё, что хранит в себе «невыразимое» и загадочное.

Но много загадочного и плохо выразимого и в обычном языке. Попытки приблизиться к его пониманию предпринимаются лингвистами. Так *несказанное* именуется «семантикой умолчания», «недосказанностью», «эвфемией», «подтекстом», «имплицативностью», «аллюзийностью», «игрой смыслами» и др., а эвфемизмы рассматриваются как средство выражения умолчания.

Путь к раскрытию этой тайны языка лежит через особое внимание к семантическим процессам, к тому, как отображены в семантике языка наши знания о мире. Но не о всей семантике идет речь, ибо в ней уже многое сделано, причем русской семантической школой, наиболее сильной в Европе. Здесь наш интерес распространяется именно на глубинную семантику языкового знака, текста, которая выходит за рамки системной лингвистики.

Дело в том, что язык – особая саморегулирующаяся система, многое в нем происходит, не сообразуясь с логикой и причинными объяснениями, чему свидетельством могут быть многие абсурдные с точки зрения здравого смысла выражения типа *водка мягкая, теплый шарф; лауреаты старые и малые; клиническая словесность; страшно красивая*.

Понять, как нам удастся правильно интерпретировать данные выражения, помогает опыт, знания, привлекаемые из психологии, культурологии, антропологии, социологии и др. наук. Например, *теплый шарф* – это такой, который сохраняет тепло человеческого тела, т. е. создает ощущение тепла – некую новую реальность по сравнению с поверхностными смыслами. Не случайно французский исследователь К. Ажеж пишет: «Лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания...» [1: 42].

Л. Витгенштейн один из первых почувствовал, что язык не в состоянии точно обозначить все детали слишком сложной для него реальности. Но с другой стороны, язык сам творит сложнейшую реальность, в которой мы и живем. Чтобы это уяснить, необходим интегративный подход, который обеспечивает целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. Начиная со второй половины XX века, объединяются разные области научных знаний. Данный феномен получил разную терминологию – синкретизм, интегративность, междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность. Хотя некоторые ученые дифференцируют данные термины (И.В. Измайлов, Л.П. Киященко), в общих чертах они синонимичны.

При внимательном изучении семантики мы видим, что говорящий создает огромное количество сочетаний слов, фраз, которые трудно интерпретировать с точки зрения здравого смысла.

В конце концов, среди концов найдешь конец ты, наконец. С точки зрения норм языка сочетания и предложения составлены правильно, но здравый смысл в них не лежит на поверхности, хотя они привычны для русского уха и часто используются в языке. И дело здесь не только в многозначности слова *конец*, но и в том, как оно образует фразеологизмы и свободные сочетания, которые объяснимы лишь с точки зрения нашего опыта постижения мира.

Особенно много сложностей в интерпретации вызывают фразы с отрицанием, антонимами, противопоставлениями. Выражения с антонимичной парой по логике здравого смысла должны быть противоположны по значению, но это происходит не всегда: *Чай долго остывает* и *Чай долго не остывает* означают одно и то же. Антонимы *нельзя* и *можно* могут означать градацию признака, а не его противоположность: ***Как можно лучше* = хорошо; Как нельзя лучше = отлично.**

Фразы, состоящие из одних и тех же слов, значат разное: *Вся в себе, немного не в себе, вся из себя. Близкие люди не равно недалекие люди.* Язык следует принимать со всеми его противоречиями, которые объяснить мы пока полностью не можем: почему, например, предложения с отрицанием ничего не отрицают: *хрен получишь* и *ни хрена не получишь* – синонимичны по смыслу; *он не мог не прийти*, т. е. пришел, несмотря на целых два отрицания.

Многое предвидел еще В.И. Вернадский, утверждая, что ученые должны специализироваться не по наукам, а по проблемам. Одна и та же проблема, если она не поддается объяснению в рамках одной науки, должна рассматриваться разными и с разных сторон. Идея интегративности в науках оказалась соответствующей духу времени: назрела необходимость создания интегративного направления, которое могло бы успешно исследовать проблемы языка в связи с сознанием человека, культурой, обществом. К таким относится проблема глубинных смыслов в языке.

Это, с одной стороны, позволяет использовать знания, полученные в разных областях науки, а, с другой – она позволяет расширить исследовательскую проблематику, которая детерминирована сложностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание, и способствует получению часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

Как известно, важнейшим принципом мышления, культуры и языка является оппозитивность, исследование которой берет начало в трудах Пифагора и Гераклита, а затем В. Гумбольдтом и Ф. Соссюром переносится на язык. «В языке нет ничего, кроме оппозиций», – писал Ф. де Соссюр. Современный исследователь Р.Г. Пиотровский также выделяет ряд оппозиций (антиномий): 1) системы языка и системы речи; 2) языка коллектива и идиолекта; 3) языка в целом и его разновидностей и стилей и т. д. Но мы знаем, насколько важен синтез этих оппозиций. Как он происходит? Как оппозиции переходят

в дополнительность? Здесь нам поможет физика – «принцип дополнительности» Н. Бора, который помогает понять сложные оппозиции.

Известно, что есть оппозиции типа: **внутреннее – внешнее, высокое – низкое, мужское – женское, далекое – близкое** и т. д. Это простые оппозиции, в которых каждый ее член полностью противопоставлен другому, т. е. равен другому только с противоположным знаком. Но есть и иные оппозиции: **ум – глупость**. Ум – это не отсутствие глупости, потому что нет умного, который хоть раз не сделал бы глупость. Глупость не равна отсутствию ума, это его дефект. Есть несколько градаций ума, например, ум и мудрость. Ф. Раневская на вопрос, чем отличается мудрый человек от умного, ответила: «Умный знает, как выпутаться из трудного положения, а мудрый никогда в него не попадает». Ум для русского человека – в его обязательном сочетании с глубинными знаниями о мире, чаще всего мистическими знаниями. Это хорошо чувствовали русские поэты. Так, у Вяч. Иванова в поэме «Младенчество» мать – это ясновидящая: *С бесплотным зрением теней / По-русски сочетался в ней / Дух недоверчивой догадки, / Свободный, зоркий, трезвый ум.*

Следовательно, ум состоит из множества разнообразных и часто противоречивых элементов, поэтому суждение об уме всегда субъективно: все зависит от того, что считаешь главным в уме. При таком понимании ум – это ментальный опыт. Это знал уже А. Пушкин, уподобляя ум четкам, на которые нанизываются бусины опыта: *На нити праздного веселья / Низал он хитрою рукой / Прозрачной лести ожерелья / И четки мудрости златой.*

Таковы оппозиции **добро – зло, значение – смысл** и др. Например, смысл в синергетике рассматривается «как возникновение нового качества системы, или, иначе говоря, как самопорождение смысла» [5: 34]. Поэтому одно и то же слово, помещенное в разные контексты (системы) может получить самые различные смыслы, которые порождаются данными поэтическими контекстами. Так, *метель* в творчестве В. Жуковского – темная сила, вызывающая предчувствие чего-то плохого; у А.С. Пушкина *метель* – длительный и разрушительный процесс, как действие враждебной стихии, властной над человеком, но умной, которой известна подлинная судьба человека. У А. Блока *метель* – тоже темное и холодное начало, противопоставленное царству света. У Марины Цветаевой *метель* – Богородица, носитель духовного начала, отсутствуют негативные коннотации у данного слова, даже когда *метель* – **странница клюкастая, ... в избу ломится**. Общий смысл здесь

установить трудно: *метель* – это не только состояние хаоса для мира и человека, но и голос судьбы. Все возникшие у разных авторов смыслы равно возможны, но у каждого реализован только один, реже – два (как у М. Цветаевой).

Для исследования сложных оппозиций необходим интегративный (синергетический) подход.

Поиск новых методологий привел современное знание к необходимости объединения двух и более методов, подходов, научных областей. Признание *целостности* как основополагающего принципа бытия обязывает принять любую жизненно уместную (и нужную) теорию. Таким образом, на современном этапе развития лингвистики наибольшую актуальность приобретают не узко специализированные научные исследования, а работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка и интеграцией их результатов в единое целое, что способствует решению сложных научных и практических задач. Современная лингвистика стремится к интеграции с целым рядом наук: психологией, антропологией, культурологией, социологией, микробиологией, генетикой и с другими отраслями знаний, изучающими человека и его язык. На целостность мира и раньше указывали поэты, опередив науку. Так у Н. Рубцова есть такое четверостишие: *С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь.*

Идея интегративности в науках оказалась соответствующей духу времени: назрела необходимость создания интегративного направления, объединяющего методы и положения ряда междисциплинарных наук, затрагивающих проблемы человека и его сознания в языке, языка в человеке, культуре, обществе и им подобные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.-Тамбов: Ин-т языкознания РАН / Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. С. 25-77.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
4. Мауро Т. де. Введение в семантику. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 240 с.
5. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 404 с.
6. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017. 448 с.